
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 008:316.42

Н. А. Барабаш**С памятью о настоящем**

Рецензия на книгу Т. С. Злотниковой «Философия творческой личности»

Новая книга профессора Т. С. Злотниковой нетривиально раскрывает подходы к тому, что являет собой не только театр и режиссура, но и тот сложный, извилистый путь, который проходит художник и который постигает его то через исследование мира, то через истолкование классики. Автор привлекает столь великий массив творческих деятелей, по-разному интерпретируя их творчество, находя каждому место в иерархии художественных ценностей, а также во времени и истории. Она раскрывает суть таких понятий, которые, казалось бы, известны и приняты. Однако именно Злотникова насыщает их всякий раз новым смыслом и глубиной. Мир театра, творческий мир художника, подвластен ей еще и потому, что много лет сама отдала творчеству как теоретик и наблюдатель, причем, с самого близкого расстояния: ее муж, режиссер, педагог, сподвижник которого она является, создает постановки, которые поражают необычностью и многосторонностью смыслов и масштабностью цели. Каждое художественное явление трактуется ею в категориях многогранной философской осмысленности и целеполагания, как говорил В. И. Вернадский. Большой мастер конструктивных композиционных построений, она и в малом видит сущностный обобщающий смысл. Ее творчество самоценно и самобытно, что подтверждается огромностью тем и многими книгами, монографиями, ею созданными.

Ключевые слова: автор, книга, взгляд, философия, режиссура, театр, история, знание, парадокс, путь, исследование, мышление.

SCIENTIFIC LIFE

N. A. Barabash**With Memory about the Present**

Review of T. S. Zlotnikova's book «Philosophy of the Creative Person»

The new book by Professor T. S. Zlotnikova uncommonly reveals approaches to what not only the theater and direction are, but also that difficult, twisting way which the artist has and comprehends it through a world research, through interpretation of classic. The author attracts such a great mass of creative figures, interpreting their creativity in different ways, finding everyone's place in hierarchy of art values and also in time and history. She reveals the essence of such concepts which seem to be known and accepted. However, Zlotnikova fills them with a new sense and depth every time. The theater world, the creative world of the artist, are in her control because she devoted many years of her life to creativity as an theorist and observer, and, from the most short distance: her husband is a director, teacher, she is his assistant, he creates stage productions, which impress with singularity and versatility of meanings and scale of the purpose. Each art phenomenon is treated by her in categories of many-sided philosophical comprehending and goal-setting as V. I. Vernadsky said. The great master of constructive composite constructions, she observes the essential generalizing sense in small things. Her creativity is inherently valued and original, and that is proved by the range of topics and many books, monographs written by her.

Keywords: author, book, look, philosophy, direction, theater, history, knowledge, paradox, way, research, thinking

Смотри, как жизнь вокруг благоухает,
Как обрядились сосны, словно под венец,
И слезы восхищенья – нет, не тают,
И колокола звон вещает – не конец!

Н. А. Барабаш

Объемный том автора данной книги профессора Т. С. Злотниковой – уже само по себе явление достаточно редкое. Теперь никто не сочиняет таких внушительных трудов ни по емкости постра-ничной, ни по охвату мысли и конструкта.

А также – не вмещается сие произведение в привычный, пусть даже и умный, стереотип: от идеи – к научному применению и результативности. Действительно, как это вычленишь, даже если ее прочтение и перспектива вполне себе очевидны?

Книги Татьяны Семеновны Злотниковой по языку и стилю, по манере изложения и пониманию актуальных проблем действительности вполне современны, вполне в контексте сегодняшнего дня. Однако есть та грань, та тонкость,

которая разделяет появление всякого нового исследования этого ученого с тем обширным контекстом выпускаемой литературы и тем немногим, что далеко и прочно отстоит от него. Мерилом здесь становится громадность самой посылки автора: она простирается так далеко и объемлет такие пространства и глубины, выражает такие сложности процессообразовательные в плане художественного истолкования мира и человека в нем далеко и диалектично, что никак не помещается в ряд с общепринятым. Это касается охвата проблематики, самого способа изложения, тех особенно животрепещущего слога и слова, что призваны открывать некий новый пласт, в казалось бы, давно вспаханной теме. Глянем на вестники разных вузов страны: где только ни исследуется творческая личность и под каким только углом?! Однако сам градус рассмотрения, сама амбициозность такого раскрытия изумляет. С одной стороны, авторы, как водится, рассматривают человека сквозь призму изученного и малоподвижного; с другой – и вовсе не касаются приоритетов личности, не говоря уже о ее философском насыщении. И вот иной ДРУГОЙ. Другой – в смысле философской тонко регистрируемой проблемы, и другой взгляд на вещи конкретного автора-исследователя. Злотникова видит то, что, вроде бы, лежит так близко и кажется таким знакомым! Вспомним Канта, преддрекавшего порядок и истинную мудрость тому, кто пишет о привычном очень ясно (основное требование философа) и просто. Ох уж эта простота! Как говаривал Станиславский, «не быть бы ей хуже воровства!» Ан, нет, не хуже!

Замечательный автор, вроде бы и не вписывающийся в общую парадигму того, что за чем и что важнее, открывает нам мир такого непривычно тонкого и радужного, что имеет прямое отношение к человеку и его миру, к философии и, как ни покажется странным и непривычным, к иронии и парадоксу. Например, автор, размышляя о Пушкине и адресуя свой пафос школьнику (учесть если возраст), говорит о великом поэте то и так, как не сказано было до нее никем. Она и привлекает Милюкова, который весьма своеобразно высказался о смерти поэта, и отслеживает «ребенка» в авторе драматических сочинений, насыщая свой анализ великолепными подробностями о «злом» дитя, о позе, о руках.

Двигаясь вперед и рассекая привычное, Злотникова приближает нас к формулированию и пониманию театра. И как явления, и как особенного, отстоящего от всего другого, вида искусства. Отсюда и необычность ее суждений о Станиславском, Мейерхольде. Своим беспристрастным

взглядом она оценивает художника нового времени К. Богомолова, например, и в этот анализ принося ироническое ощущение, то правдивое, отстоящее от поклонных столичных рецензий суждение, которое точно раскрывает почерк режиссера.

Она видит явления художественной жизни так по-своему, так избыточно интересно, что даже для непосвященного читателя станет занимательной история о театре в жизни общества и человека – когда возможно рассматривать театр и как «театр режиссера», и как не очень понятный феномен, и как единственно возможный, все затмевающий источник игры.

Сама структура книги так многолика и вместе с тем так емко, четко и рационально выстроена, что не остается сомнений: автор не только знает существо вопроса (вопросов, тем, проблем), которые исследует, но и задает тон будущим сподвижникам и исследователям театрального искусства: она видит то, что не успели рассмотреть до нее, она формулирует в научные слоганы те истины, которые только казались проходными; она так массивно, так наступательно формирует внутреннее устройство своего повествования, что становится очевидным: ничего-то толком мы не понимали в том, что есть человек-индивидуум, что он есть как творческая особь и что способен создать и сделать в обширном философском контексте.

Удивительное дело: сама композиция книги построена таким ясным и понятным образом, что ведущая ее идея прочитывается тоже вполне осознанно и внятно. Что до сложностей внутреннего изложения и анализа, то он исчерпывающе проясняет весь пафос обращения к человеку, конструктам осуществления его «Я», объясняет всю мощь и многоликость существования человека в мире современных эстетических превращений. «Ее» архетип также многое проясняет и в юнговском истолковании, и в том осовремененном «событии», которое становится кодовым, проецируя поступки и устремления человека сегодняшнего дня на огромность времени и перемен. Скрупулезность и бережность подхода к «именам» подтверждает небезынтересный факт собственно личности автора, человека просвещенного во всех вышедших его смыслах, интеллигентного, честного. А, как известно, такой (редкостный нынче вид) и мыслит подобающе: раскованно и страстно, оставаясь, однако, в рамках прочерченного им пути эстетического табу, норм и приоритетов.

Искушенный автор, написавший громадное число книг, которые так или иначе затрагивают театр, вопросы формирования искусства и отно-

шения к нему, а также того, что есть человек в этом широком контексте поисков смысла, опор и видения действительности, Татьяна Семеновна Злотникова опирается на это видение, имея при себе, в своем богатом научном багаже, по крайней мере, пару вещей: глубочайшее знание предмета, вообще ЗНАНИЕ как таковое. ...И еще очень важное – умение так соотносить явления и смыслы, что становится предсказуемой и их связь, и замкнутость одного на другом, а также очевидная симпатия к рожденному, реальному человеку, который один и способен сотворять те деяния, что в совокупности становятся опорами, в рамках которых существует, эволюционирует сегодняшняя жизнь творческого человека.

Спрашивают студенты: «А зачем сегодня философия? И что она такое? Ведь скучно!» Эх, почитать бы им, хотя бы выборочно, хотя бы частями, а потом и целиком большой сей труд, поняли бы: никак и никуда без этой «скучной» истории. Она может быть вовсе не скучной, она может быть такой реалистичной и такой искусной, что возникает сам собой вопрос: да как можно было прожить без нее? А следом потянутся и другие: как без театра, как без понимания причинности искусства, как без знания основ того, что составляет такую изумительную основу нашей жизни – само искусство, которое зиждется на всего лишь двух моментах: простом понимании задачи и ее исполнении. И тогда все встает на свои места!

Важная деталь: книга написана по законам интеллектуального детектива, где, конечно же, никто никого не убивает, но где в центр повествования поставлена личность, понесшая утраты, испытавшая разного рода страдания; и повинно в этом множество участников – от самого социума, куда включены театр и литература, прошлое с его историей и именами и дух любви и злодейства; то комедиантство страстей, что во многом определило силу и независимость суждений русской литературы. В итоге, как и водится по законам жанра, раскрываются причины и следствия, оглашаются участники, называются заинтересованные и воители, те, кто не только составил славу, но и отделил боль прошедшего и настоящего русской культуры.

И уж совсем очищается и возникает тот первоисточник смысла, к которому автор так стремительно и изящно восходила; тот, без примеси лукавства и лишних допущений итог, которым завершается размышление об экзистенциях смысла, о жизни и не жизни огромного числа участников драмы, составившей основу судьбы самой России.

Того пространства, на которое экстраполируется автором живая и трепещущая мысль о развитии и судьбах отдельно взятой личности; того конкретного персонажа, который не отстоит от реальности, но сотворяет вместе с ней то, что отзовется в последующей новизной и благородством поступка. Его художественный и философский аспекты и исследует Т. С. Злотникова.

Будучи знакома с автором книги много десятилетий, зная ее строгий, взыскательный нрав, четкость суждений и привычку все обосновывать, порой мне кажется, что, при всей святости и строгости отношения к научному знанию, Татьяна Семеновна Злотникова вдруг и увидится великолепной балериной, вращающей свое фуэте, где точка в этом вращении, та точка опоры, что позволяет исполнить его виртуозно, держится ею безукоризненно чисто. Такая воздушность и строгость суждений – тоже известный парадокс. Потому так и вписывается она в сиюминутный процесс постижения действительности, что сама и пребывает как бы внутри него, и неизменно поднимается над ним, совершая свое легкое вращение от привычных истин к точечным опорам глубины и ясности.

И сетуешь: отчего это мы, граждане, занимающиеся поисками научного смысла в разных областях знания, так непозволительно беспечны в том, что имеет отношение к трудно формулируемому миру человека, его природе, заповедям и константам?!

Мы получили труд человека, который отличается «непопаданием в яблоčko» стереотипов, – Т. С. Злотниковой. Книга изысканно оформлена и представляет собой призыв о продолжении работы к людям, верущим в науку о прекрасном, к исследователям, разделяющим взгляды этого человека, чьи исследования основываются на глубинном постижении смыслотворческой личности, ее философии и приоритетов.

Библиографический список

1. Злотникова Т. С. Философия творческой личности [Текст] : монография / Т. С. Злотникова. – М. : ООО «Издательство «Согласие», 2017. – 918 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Zlotnikova T. S. Filosofija tvorcheskoj lichnosti [Tekst] : monografija / T. S. Zlotnikova. – M. : ООО «Izdatel'stvo «Soglasie», 2017. – 918 s.

Reference List

- Zlotnikova T. S. Philosophy of the creative person : monograph / T. S. Zlotnikova. – M. : ООО Publishing House «Soglasie», 2017. – 918 pages.